

Два года без Ефремова

Ирина КОРЧЕВНИКОВА,
для «Новых Известий»

Его не стало 24 мая 2000-го. И начался новый отсчет времени. День рождения — первый без него. Вечер памяти — тоже первый, год назад, в чеховском МХАТе...

До конца оставалось несколько месяцев, а Олег Николаевич жил полноценной творческой жизнью, репетировал «Сирано», строил планы на следующий сезон, думал о реформе театра, готовился к гастролям в Тайбэе, мечтал шагнуть в следующий век.

Здоровье ухудшалось. В разгар репетиций выяснилось, что необходимо прерваться. Он страдал, так как премьера отодвигалась. Перед самым отъездом на лечение, когда все формальности были закончены, выяснилось, что лечение требует не двух-, а трехнедельного стационара. Звонок в театр — Михаил Горбачев интересуется здоровьем друга. Услышал, все понял. «Завтра в 11 часов жду у себя». На следующий день Ефремов получил необходимую сумму и в конце февраля улетел в парижскую клинику к известному профессору Дерренну. В аэропорту его усадили в коляску — он сопротивлялся, но путь от зала VIP до самолета для него в тот момент был труден.

Через три недели коляска вновь стояла у трапа. Вдруг наверху появляется Олег Николаевич со своей харизматической улыбкой, бодро идет навстречу встречающим, любимое «Привет!», увидел коляску, замесился: «Ну, раз транспорт подан — поведем!», и плюхнулся в кресло.

Казалось, что французский профессор совершил чудо.

И началась работа. Еще в Париже, после выхода из клиники, Олег Николаевич успел встретиться с руководством театра «Комеди Франсез» и провел многочасовую беседу о его структуре и организации — творческой, финансовой, производственной. В Москву он вернулся, зараженный новой идеей реформирования МХАТа.

Но главное — репетиции «Сирано де Бержерака», спектакля памяти переводчика и друга Юрия Айхенвальда, спектакля о любви, всепоглощающей и обжигающей, и творце — создателе и вдохновителе высококонравного бытия человеческого.

Ефремов сам был похож на Сирано — неудержимый и неистовый в работе и в жизни.

1990 год. Болезнь уже начинает заявлять о себе, но Олег Николаевич не верит и не хочет смириться с понятием «больной». Хоть давно не сидел за рулем, принимает решение летом ехать на юг на машине. Отговаривать бесполезно. Старенькая «Вольво» вытаскивается к мастерам, ее долго приводят в порядок, в назначенный день, позд-

Таким он был за год до смерти. Чеховское Мелихово. Лето 1999 г.

но вечером Олег Николаевич садится за руль, не выпускает его до семи утра, и лишь тогда, насладившись почти забытыми водительскими ощущениями, умиротворенно пересаживается в салон, передавая бразды правления Борису Щербakovу.

В последнее десятилетие ефремовской жизни, время финансово не легкое, у МХАТа было много гастрольных поездок. Инициатором которых чаще всего выступал сам Олег Николаевич. Для него было важно, чтобы каждый мхатовец побывал в местах, связанных с именем Чехова, — и театр отправляется в труднейший тур на Сахалин и Камчатку, а в период Волжского турне обязательный маршрут — до Ростова-на-Дону, так как рядом Таганрог... Ефремов не принимал понятия «выездной вариант», и театр отправлялся на гастроли с полным комплектом декораций и реквизита. Его собственные дорожные сумки всегда были очень тяжелыми — немного личных вещей, представительский костюм и книги. Книг было много — пьесы, материал для будущих инсценировок, пара детективов, трехтомник Ольги Александровны Радищевой о великих основателях Художественного театра, а в последние годы — Библия.

Вообще, Олег Николаевич читал всегда и везде. Когда ставил Чехова, становился чеховедом, Пушкина — пушкинистом. Порою несколько лет занимал у него путь к автору, пьесе. Распределение ролей иногда было неожиданным для него самого — думал об Александре Калягине на роль Бориса Годунова,

сыграл сам, героя «Мишиного юбилея» примерял на себя, а потом передал Станиславу Любшину.

Первые репетиции с Ефремовым — всегда открытие для актеров. Кто-то скучал, хотел скорее «читать по ролям», а он их томил и готовил, насыщая своим знанием, напитывая своим пониманием и любовью к материалу, лежащему перед ними.

Чем ближе спектакль к выпуску, тем беспощаднее становился Олег Николаевич к участникам спектакля и к себе самому. Репетировал утром, днем, вечером. «Три сестры» выпускал со сломанной ногой в гипсе. Перемешался на костылях.

Сохранилась видеозапись репетиции спектакля «Сирано де Бержерак». Конец апреля рокового 2000 года. Ефремов сидит в полутемном зале, смотрит, делает замечания, спорит с художником, улыбается. Мучающий его кашель куда-то отступил, рядом на режиссерском столике лежат две тоненькие трубочки от баллона с жидким кислородом, но кислород для него то, что происходит сейчас, сию минуту на сцене.

Чудо?

Увы, чудес не бывает.

15 мая Олег Николаевич принимает решение не ехать на гастроль в Тайбэй с одним из любимых его спектаклей «Дядя Ваня». «Буду репетировать «Сирано», готовиться к премьере». До премьеры он не дождался нескольких дней. Ею открывался следующий сезон во МХАТе им. А.П. Чехова.

Когда он ушел, театр был на гастролях за тысячи километров.

Сердца и души рвались в Москву, но с далекого острова Тайвань улететь всему коллективу было невозможно, с трудом купили два билета — по одному на два следующих дня, поджидали в аэропорту — может, кто-то откажется от полета.

В этот день, как всегда бывает на гастролях, с раннего утра шла работа на сцене. Было девять вечера по местному времени — семнадцать ноль-ноль по Москве. Зазвонил мобильник. Говорили из театра — умер Ефремов. Неправда! Не может быть! Не должен! Не время! Тот, кто услышал, сказал только одну фразу: «Я завтра должен лететь в Москву», те, кто стоял рядом, почему-то сразу все поняли: произошло неправое, случилось то, во что поверить невозможно, но придется, и необходимо что-то сделать, предпринять, улететь. Бежать...

Через час собрались в гостинице. Нужно было сообщить о случившемся всем... Долго молчали, вопрошающие глаза — что случилось? «Умер Олег Николаевич». Стало трудно дышать, казалось, время остановилось и мир замер. Безрасудство. Умопомрачение. Звонки в Москву, длительные переговоры: только не без нас, дождитесь! Никто не расхотился, все ждали решения там, в Москве. Слава Богу! Его актеры и соратники будут с ним рядом в последний печальный миг прощания.

Сыграли три спектакля «Дядя Ваня», и сразу же в Москву. Длительный перелет, самолет с «аншлагом», пересадка в Амстердаме...

Утром 31 мая 2000 года Художественный театр простился с Олегом Ефремовым.